

LEVSHIN'S WORK AND THE PHENOMENON OF THE "ORIENTAL STORY" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FICTION

Zavelskaya Darya Alexandrovna^{1*}

Associate Professor, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art),
Moscow, Russia.

(date of receiving: September 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The research is devoted to the translated story *Veziri, or the Enchanted Labyrinth*, which Levshin released with the subtitle *Oriental Story*. Russian fiction is interesting both in the context of the genre itself, which became very popular in Russian literature in the second half of the 18th century, and from the point of view of the development of Russian fiction during the era of sentimentalism. In existing studies devoted to the genre of the *Oriental Story*, three types are distinguished: 1) moral and ethical with religious overtones; 2) entertaining, adventurous, and gallant; and 3) educational. However, *Veziri* allows us to detect all three aspects, which is essential for understanding the general orientation of the fiction of that time and the very idea of the perception of the East in Russian literature. The history of the creation of this translation has not been sufficiently studied to compare Levshin's work with the original source; therefore, the style is analyzed as a characteristic example of Russian fiction. Levshin's choice is significant, as he is known, among other things, for his original literary fairy tales based on motifs and images from Russian folklore. In the *Oriental Story*, Persia becomes the setting, depicted not historically but in a legendary and fabulous manner, as an amazing land of miracles, heroism, high virtues, and mystical mysteries. It is productive to examine the concept of 'virtue' in this work, as it is extremely important both for the educational literature of the sentimentalist era and for literary fairy tales. In this regard, the increased emotionality of the narration and the characters' direct speech can be explained by the sentimentalist emphasis on comprehending moral principles through a sensitive heart. At the same time, miracles and adventures in the story serve as a moral test for the characters and a realm for comprehending higher wisdom, which was characteristic of the depiction of the East.

Keywords: Oriental Story, Style, Fiction, Levshin, Translation, Fairy Tale.

1. E-mail: daralzav@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1783-7080> * Corresponding author

ТВОРЧЕСТВО В. ЛЕВШИНА И ФЕНОМЕН «ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Завельская Дарья Александровна^{1*}

Доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия.

(дата получения: сентябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Исследование посвящено переводной повести «Везири, или Очарованный лабиринф», которую Левшин выпустил с подзаголовком «восточная повесть». Это произведение интересно и в контексте самого жанра, который стал очень популярен в русской литературе второй половины XVIII в., и с точки зрения развития русской художественной прозы эпохи сентиментализма. В существующих исследованиях, посвященных жанру «восточной повести», выделяются три ее типа: 1) морально-этические с религиозной окраской; 2) развлекательные, авантюрно-галантные; 3) просветительские. Однако «Везири» позволяют обнаружить все три аспекта, что существенно для понимания общей направленности художественной литературы того времени и самого представления о восприятии востока в русской литературе. История создания этого перевода не изучена в достаточной мере, чтобы сравнивать произведение Левшина с первоисточником, поэтому стилистика рассматривается именно как характерный пример русской художественной прозы. Важен сам выбор Левшина, известного, в том числе, своими авторскими литературными сказками, опиравшимися на мотивы и образы отечественного фольклора. В «восточной повести» местом действия становится Персия, изображенная не в историческом, а в легендарно-сказочном ключе, как удивительный край чудес, героизма, высоких добродетелей и мистических тайн. Представляется продуктивным рассмотрение в этом произведении концепции «добродетели», чрезвычайно важной и для просветительской литературы эпохи сентиментализма, и для литературной сказки. В этом аспекте можно объяснить повышенную эмоциональность повествования и прямой речи самих героев, поскольку для сентиментализма существенно постижение нравственных принципов через чувствительное сердце. При этом чудеса и приключения в повести становятся своеобразной нравственной проверкой героев, а также сферой постижения высшей мудрости, что было очень характерно для изображения Востока.

Ключевые слова: восточная повесть, стиль, художественная проза, Левшин, перевод, сказка.

1. E-mail: daralzav@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1783-7080> * Ответственный автор

Введение

Василий Алексеевич Левшин (1746–1826) был весьма плодовитым автором, но его произведения широкому читателю сейчас неизвестны, хотя представляют немалый интерес в контексте исследования различных прозаических и драматургических жанров русской литературы, формировавшихся во второй половине XVIII в. Прежде всего стоит упомянуть о его вкладе в русскую литературную сказку, которая развивалась в русле поиска новой прозаической стилистики. В частности, авторы стремились осваивать фольклорные мотивы, народный колорит (Гистер 2009. 128, 130–132). Творение В. А. Левшина «Руския сказки, содержащая древнейшия повествования о славных богатырях, сказки народныя, и прочия оставшия чрез пересказывание в памяти приключения» в 10 частях выходило с 1780 по 1783 гг., а в 1779 г. увидела свет первая часть его перевода «восточной повести» Марианн Аньес де Фок «Везири, или Очарованный лабиринф». Повесть издавалась Н. И. Новиковым в Университетской типографии с 1779 по 1780 гг.

Основная часть

Об этом произведении и пойдет речь в дальнейшем. И хотя повесть переводная, задача сопоставления с оригиналом в данном случае не стоит. Интерес представляет сам выбор В. Левшина и его художественные принципы. Ранее эта повесть не рассматривалась отдельно с точки зрения структуры и стиля в контексте становления отечественной прозы, однако сам феномен «восточной повести» как жанра неоднократно становился предметом научного осмысления. Прежде всего, следует отметить большую популярность произведений этого рода в России начиная с 1750-х гг., о чем писала в своей обзорной работе В. Н. Кубачева (Кубачева 1962. 295–297). На эту работу в дальнейшем ссылаются практически все исследователи указанного жанрового

феномена, в том числе затрагивающие типологию повестей. Для русской прозы XVIII в. Кубачева выделяет три основных группы, оговаривая, впрочем, некоторую условность подобного разделения: 1) морально-этические с религиозной окраской; 2) развлекательные, авантюрно-галантные; 3) просветительские (Кубачева 1962. 299). Последний фактор существенно важен для нашего исследования, поскольку творчество В. А. Левшина тесно связано с периодом развития именно просветительской литературы и конкретно – с просветительской деятельностью Н. Новикова (Гистер 2009. 123). Отчасти связь просветительской мысли и французской «восточной» повести определялась традицией, идущей от Вольтера (Кубачева 1962. 298–299). Упомянутые ранее сказки Левшина сам автор также соотносил с просветительской деятельностью, но не только в вольтеровском ключе обобщенного философского размышления с использованием условной сказочной формы. Левшин считал необходимым пристальное внимание к народной «древности», к обычаям и представлениям предков (Левшин 1780. б.с.), при этом в поэтике сказок и сам Левшин, и его современники (Чулков М.Д., Попов М. И.) обращались к реальным фольклорным текстам, чего нельзя сказать о переводе повести французской писательницы, которая воспроизводила фантастический образ Персии как обобщенной далекой «страны чудес», где возможны самые невероятные события. О таком восприятии востока в европейской и русской культуре пишет и Кубачева (Кубачева 1962. 302)

Тем не менее, стоит отметить авторские примечания к тексту перевода, несущие прямую просветительскую функцию:

«Дагхестан есть древняя Алвания, Ширван имеет гавань на Каспийском море, очень часто посещаемую Россиянами. Главный в ней городок Дервент назывался в древности врата Каспийского моря, *Calpiae Portae*» (Фок 1780, 2. 20).

«Антилопа есть прекрасный зверь, тело его тонко, поворотливо, и глаза чрезмерно велики и черны» (Фок 1780, 2. 27).

«Рустем был Полководец Каяхалру или Кира, и очень славный ратник. Сей Ирой владел в Дагестане или Дрангиане по Гречески, и в Цаклетане, по их Арабхозии. Он и предки его жалованы сими землями от Царей Иранских, коим служили с наследною роду своему кроткостию» (Фок 1780, 2. 125).

Таким образом, фантастическая повесть в восприятии самого Левшина становится материалом, позволяющим читателю ознакомиться с историей и географией Востока.

Особо стоит отметить примечания, касающиеся Зороастра (Заратуштры). Левшин старается раскрыть известные на тот момент особенности религиозных представлений о зороастризме:

«Нед город в провинция Персиде или по наречию Азиатцов, Персистане. Оный прославился тем, что Зороастр положил там основание своей секте, построить первое свое капище» (Фок 1780, 2. 8).

«Гистасп, коего Греки именуют Дарий, сын Гистаспов, быть Европейцам известен более отца своего; ибо он столицу Царства своего изь Хорозани перенес в близлежащую Персиду. Он тем прославился, что принял учение Зороастрово, и подданных своих принудил последовать примеру своему» (Фок 1780, 2. 89).

При этом в самой повести воспроизводится отнюдь не исторический, а фантастический образ Зороастра, в традиции европейской беллетристики и драматургии предстающего как загадочный маг. Достаточно вспомнить Зарастро из «Волшебной флейты» Моцарта, хотя в опере этот персонаж наделен доброй мудростью, тогда как в исследуемом здесь сюжете он

предстает коварным искусителем, врагом истины и разрушителем чистой веры. Далее мы будем именовать его именно Зороастром, чтобы отделить художественную интерпретацию от историко-религиоведческого подхода к фигуре Заратуштры.

В статье современного специалиста по зороастризму и его рецепции в европейской и русской культуре справедливо утверждается: «В Европе же Заратуштра, до научного прочтения носивший имя Зороастра, начиная с эпохи Античности был обычным персонажем нравоучительных сочинений. Представления о великом «маге» опирались на известия античных авторов, далеко не всегда правдоподобные, обростали легендами и толкованиями, шедшими вослед развитию философской мысли в Европе, постоянно трансформировались в сознании европейцев» (Крюкова 2019. 87). И в этом контексте также упоминается просветительская деятельность Вольтера, который использовал образ Зороастра во множестве своих сочинений, что могло повлиять и на русскую литературу (Крюкова 2019. 87). Наиболее известный случай, который также упоминается в работе Крюковой – аллегорическое уподобление Зороастру Петра Великого в оде Г.Р. Державина «Изображение Фелицы» (1789). Державин в своей оде придерживается положительной оценки великого и мудрого «отца отечества», в чем, вероятно, проявляется традиция соотнесения Зороастра с архетипическим образом восточного мудреца.

Между тем в художественном мире анализируемой здесь повести Зороастр, как было сказано выше, являет собой злонамеренное начало, но для уяснения основных смысловых мотивов, связанных с ним, необходимо уточнить жанровые особенности произведения. Прежде всего, это действительно беллетристика, сочетающая авантюрные и любовные линии. Переплетены они достаточно тесно, при этом ближе к концу 2 части начинают доминировать любовные перипетии, в которых воплощается нравственный выбор героя. И

уже в 3 части действие существенно замедляется за счет ретроспективы – отсылки к истории принятия зороастризма. Предыстория эта должна пролить свет и на душевные метания героев, и на их нравственный выбор, включая стойкость перед искушениями и способность отличать добродетель от зла.

Любопытно, что антагонистом Зороастра в 3 части предстает Рустем – доблестный, мудрый и чистый сердцем, воин и правитель, воплощающий лучшие черты некоего «золотого века»: «Вера Персов была столькож чиста в первые времена, как потоки по путям проливающиеся. Они имели мало обрядов, церковный порядок их был прост. Они взирали на лазурное небо, и блистающия светила оное украшающия; они рассматривали землю и море, леса и проливы, ведая, что все чудеса сии сотворены от единого существа безконечныя силы...» (Фок 1780, 3. 54)

В сущности, эта ретроспектива раскрывает сущность тех искушений, которые подстерегали героев и уводили от чистой добродетели. Таким образом, понятие «добродетель» становится ключом к разгадке всех необычных перипетий любовно-приключенческого сюжета, заблуждений и страстей, владевших сердцами. Вероятно, именно такой философски-нравоучительный контекст способствовал выбору Левшина, когда он принял решение создать свой перевод, но также и побудил Новикова опубликовать этот перевод в издании просветительского характера. Кроме того, одной из сюжетно-смысловых линий повести стало управление государством – вопрос в просветительской литературе того периода чрезвычайно важный. Характерным его считают и для самого жанра «восточной повести» XVIII в. (Сайдали, Рахманов 2016. 90).

Таким образом, «восточная повесть» в данном случае не просто сочетает в себе сказочность, авантюренность, любовный сюжет и философские рассуждения, но подчиняет философскому началу остальные смысловые линии. Способом выражения этого смыслового единства становится стиль,

который можно воспринять как многословный и перегруженный. Однако весьма важно, чем именно «перегружено» повествование.

Практически все действия и решения героев разворачиваются в отчетливом эмоциональном наполнении. Приведем несколько характерных примеров:

«По утишении первого жара их чувствования удалились они для тайного совещания, из продолжения ласкового их поведения определял я, что следствие будет для меня благосклонно. Но подозрение начало опять грызть мое сердце, когда они по разделении себя на границах Карецмских в малыя кучки, опять соединились на берегу Геона близ Королевства Туранскаго» (Фок 1780, 2. 51).

«Сердце Сагебово наполнилось чистою радостию, которая объемлет жилище радости, когда приводит во оное нить мудрости и чести» (Фок 1780, 2. 135).

«По сем отворотился он прочь от Сагеба, который оставил дворец с горестию, каковая известна только великодушным и преизящным сердцам, понуренным дерзкой неблагодарностию, в которой нет и того облегчения, хотя бы укорить себя в причине заслужения оных» (Фок 1780, 3. 13).

Такой принцип повествования и мотивировки можно было бы назвать «эмоциональной рефлексией», которая обнаруживает тесную связь с обозначенным ранее ключевым понятием «добродетели». Любопытно, что герой, даже попадая в весьма затруднительное положение, старается философски осмыслить поведение разбойников:

«Согласие царствующее между разбойниками, удивляло меня не менее. Я приписывал то основанию, что в воззрении их на самих себя, две сильныя причины к несогласию, честолюбие и своекорыстие, не имели у них места» (Фок 1780, 2. 47).

Добавим, что в повести присутствуют многочисленные примеры «рассказа в рассказе», дающего возможность сочетать событийность с эмоциональной оценкой и саморефлексией героя. Однако речи различных рассказчиков по стилистике не различаются, что важно отметить, как характерную черту прозы того времени. Вновь подчеркнем, что речь идет о переводе, и мы исследуем именно стилистические принципы самого Левшина, вне зависимости от того, какие особенности речевой стилистики были присущи оригиналу. Левшин интуитивно руководствовался тем, чему данная восточная повесть соответствовала в контексте развития русской повествовательной прозы периода раннего сентиментализма, который пока недостаточно изучен с точки зрения нарратологических особенностей.

Таким образом, экспрессивная «избыточность» нарратива повести вполне объясняется философским поиском причин человеческого поведения, отклоняющего его от пути добродетели или возвращающего к ней. Такой принцип исследования человеческого духа отсылает не только к исканиям философов Просвещения, но и к сути сентиментализма, который в период творческой деятельности Левшина активно развивался именно в сфере прозы. Тем интереснее осмыслить эту повествовательную форму для развертывания именно волшебного, сказочного сюжета в книжной литературе.

Один из характерных примеров этически-философского осмысления любовных переживаний демонстрирует именно связь личного чувства и духовного становления одного из героев:

«Первая обязанность, возлагаемая на меня драгоценною сею доверенностию, ответствовала Ситара, состоит в том, чтоб помогла я тебе возвратиться к добродетели. Какое ни имела бы последство любовь твоя к Цулике, довольно, когда ты вступишь на путь должности, ведущий тебя к Принцессе Цаблестанской, то помышление о начатии праведного дела, распространит мир в чувствах твоих» (Фок 1780, 3. 32).

Собственно, финальное счастье героев после множества испытаний и знаменует собой окончание пути к добродетели. Духовный путь правителя отмечен примерно теми же ценностными характеристиками:

«Великий дух при повелительном голосе угроз не может быть отвращен от доброго предприятия. Везирь шествовал с ободренным доказательством, что он все делает для доброго общего; или лучше сказать, его вело Провидение, коего советы предопределили Сагеба в довод тому, что когда Государи вообще достойны сожаления, имея при себе злых Министров, то добродетельный и чистосердечный муж достоин оногo больше, если заступает у Монарха, коего сердце еще и менее повреждено, толь трудное и опасное место» (Фок 1780, 2. 152).

Таким образом, мы видим в концепции произведения значимость «чистого сердца» для постижения не только нравственных принципов, но и философских основ жизни, к чему и должны привести героев хитросплетения чудесного сюжета. Очень сходно охарактеризована литературная модель повести М. Хераскова «Золотой прут» в работе Каримиан Фаэзех: «...сюжет восточной повести Хераскова выстроен по типичной для просветительской литературы модели путешествия главного героя в поиске истины через череду испытаний и приключений» (Каримиан Фаэзех 2015. 158). Еще интереснее для нас следующее суждение: «Сюжет «Золотого прута» внешне как бы соответствует законам авантюрных повествований. Однако внутренняя содержательная логика противоречит им, поскольку автор актуализирует этическую и философскую оценку поступков персонажей более, чем сами эти поступки, совершенные в экстремальной ситуации» (Каримиан Фаэзех 2015. 158). Именно это мы видим в отмеченной ранее «экспрессивной избыточности», наделении практически любого поступка или намерения

эмоциональной оценкой. Причем связь чувствительности и добродетели в произведениях Хераскова была достаточно давно обозначена именно как признак сентиментализма (Кочеткова Н. Д. 1980. 729). Самого Левшина некоторые исследователи достаточно уверенно причисляют к представителям раннего сентиментализма (Присенко 1990. 20) и даже – к «прямым предшественникам» Н. М. Карамзина (Присенко 1990. 35).

Учитывая, что «Золотой прут» был издан Новиковым в 1782 г., т.е. двумя годами позже, чем «Везири или Очарованный лабиринф», вполне можно предположить влияние Левшина на Хераскова. И также было бы важно сопоставить перевод Левшина с его «Богатырскими сказками». Тем более, в продолжение сказок Левшин публикует «Вечерние часы или Древние сказания славян древлянских», в структуре которых угадывается влияние «Тысячи и одной ночи» (Присенко 1990. 31). Так что сама связь его авторских произведений, в частности – сказок, с повествовательными принципами ориенталистской прозы не подлежит сомнению. Однако непосредственная связь жанра литературной сказки с развитием русского сентиментализма еще не рассматривалась с достаточной полнотой.

Интересно в этом отношении и другое замечание из современной статьи, касающейся жанра «восточной повести» и критикующее одну из характеристик Кубачевой: «нам представляется спорной вторая часть предложенной дефиниции: непонятно, какую «религиозную окраску» имела в виду исследовательница. Тексты насыщены аллегорическими образами, но все они далеки и от языческой, и от христианской мифологии, а сфокусированы вокруг символических универсалий, олицетворяющих нравственные категории» (Шелемова, Каримиан Фаэзех 2013.10). В той же работе приведены примеры, демонстрирующие, как философско-этические проблемы раскрываются в мистическом («Видение Мирзы») и любовном («Благодеяние») сюжетах (Шелемова, Каримиан Фаэзех 2013. 11–13). Любопытно, что оба произведения

представляют собой, скорее всего, не переводы, но подражание переводам «восточных повестей» с французского.

По мнению Кубачевой, сам жанр «восточной повести» в большей степени соответствовал философско-рационалистическим тенденциям классицизма и оказался непригодным для задач сентиментализма (Кубачева 1962. 314–315), но в случае перевода Левшина мы наблюдаем как раз использование нового сентименталистского типа повествования, в котором чувствительное сердце становится неким «компасом» на пути обретения добродетели и правды среди невероятных событий. В 1 части Сагеб именно по силе чувств узнает благородную сущность царевича: «Имя незнакомого было Сагеб, которое то же значит, что друг; его врожденное доброхотство учинило во всех тварях звания сего достойным, и разум его нашел вскоре, что Церир имеет особое право в намерениях им заключаемых. Он ведал, что чрезмерные страсти суть знак души возвышенныя и семя всяких добрых свойств; он из братской любви Церира замечал, коль удобна душа сего Царевича к благородным склонностям» (Фок 1779. 46).

Приведем и фрагмент из 3 части, иллюстрирующий некий нравственный итог исканий героев: «Оба великие Монарха Азии, не могли взирать на сие жилище, не имея в том утешения. Их раззолоченные дворцы, их приятные гульбища, не столь привлекали в себя взоры их, как сия соломой покрытая хижина, и сия дикая роща: ибо желание, следственно и истинная нужда толь крепко сообщены с недостатком, что не возможно изобилию, одну отменить, и другое удержать» (Фок 1780, 3. 96). Нечто сходное с точки зрения повествовательной формы можно увидеть и в характеристике Рустема, который, как сказано ранее, представлен в повести мудрым и чистым душой антагонистом коварного Зороастра: «Между тем Рустем в своей старости увеселялся воспоминанием прежних дел своих, и вкушал благоденствие, которое небо обещает и дает всем, кои

поспешествовали отечественному благу благотельными подвигами в своей юности» (Фок 1780, 3. 65).

Заключение

Во всех приведенных примерах совершенно ясно прослеживается сентименталистская философия «естественности», а мерилom правды становится непосредственная эмоциональная реакция знатных людей на природу и бедную хижину. Очевидно также, что душевное состояние добродетельного правителя становится аргументом верно выбранного пути, тогда как стилистика авторского повествования акцентирует подобные состояния как этапы этого жизненного «странствия».

Такое слияние в одном повествовании мистицизма, этики, приключений, возвышенных любовных историй, философии и государственной мысли во многом объяснялось представлением о Востоке: с одной стороны, полном экзотических чудес, с другой – хранящем древнюю мудрость.

Все отмеченные здесь особенности произведения могут послужить расширению и углублению оценки тенденций, характеризующих развитие русской прозы в период сентиментализма, а также прояснить многообразие жанра «восточной повести» и роль его в трансформации повествовательных форм, в том числе литературной сказки, выполнявшей и просветительскую, и эстетически-развлекательную задачу.

Литературы

- 1- Гистер М.А. (2009). *Сказитель-просветитель: былинная традиция в «Русских сказках» В. А. Левшина* // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 9. С. 122–137.
- 2- Каримиан Фаэзех (2015). *Ориентальные мотивы в восточной повести «Золотой прут» М. М. Хераскова* // Дискуссия. № 1 (53). С. 157–160.
- 3- Кочеткова Н.Д. (1980). *Сентиментализм. Карамзин* // *История русской литературы: В 4 т. Т. 1.* Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980–1983. С. 726–764.

- 4- Крюкова В.Ю. (2019). *Образ древнеиранского пророка Заратуштры в русской поэзии // Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)*. СПб.: МАЭ РАН. С. 87–101.
- 5- Кубачева В.Н. (1962). *«Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век. Сб. 5. М.–Л.: АН СССР. С. 295–315.*
- 6- Левшин В.А. (1780). *Руския сказки, содержащая древнейшия повествования о славных богатырях, сказки народныя, и прочия оставшиися чрез пересказывание в памяти приключения*. Ч. 1. М.: Унив. тип. [у Н. Новикова].
- 7- Присенко Г.П. (1990) *Просветитель В.А. Левшин*. Тула: Приокское книжное издательство.
- 8- Сайдали И.М., Рахманов Б.Р. (2016). *Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф. В. Булгарина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 2. № 4. С. 87–99.*
- 9- Шелемова А.О., Каримиан Фаззех (2013). *Восточные сюжеты в русской журнальной прозе второй половины XVIII века: тексты, жанровая специфика, идейные приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. № 3. С. 9–17.*
- 10- Фок Марианн Аньес де (1779–1880). *Везири или Очарованный лабиринф: Повесть восточная / Переведена Васильем Левшиным*. Ч. 1–3. М.: Унив. тип. [у Н. Новикова].

Bibliography

- 1- Gister M.A. (2009). *Skazitel'-prosvetitel': bylinnaia traditsiia v «Russkikh skazkakh» V. A. Levshina // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia. № 9. S. 122–137.*
- 2- Karimian Faezekh (2015). *Oriental'nye motivy v vostochnoi povesti «Zolotoi prut» M. M. Kheraskova // Diskussiia. № 1 (53). S. 157–160.*
- 3- Kochetkova N.D. (1980). *Sentimentalizm. Karamzin // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. T. 1. L.: Nauka. Leningr. otd., 1980–1983. S. 726–764.*
- 4- Kriukova V.Iu. (2019). *Obraz drevneiranskogo proroka Zaratushtry v russkoi poezii // Russkii orientalizm (nauka, iskusstvo, kollektzii)*. SPb.: MAE RAN. S. 87–101.
- 5- Kubacheva V.N. (1962). *«Vostochnaia» povest' v russkoi literature XVIII – nachala XIX veka // XVIII vek. Sb. 5. М.–Л.: АН СССР. С. 295–315.*
- 6- Levshin V.A. (1780). *Ruskiia skazki, sodержashchiia drevneishiia povestvovaniia o slavykh bogatyriakh, skazki narodnyia, i prochiia ostavshiesia chrez pereskazyvanie v pamiati prikliucheniiia*. Ch. 1. М.: Univ. tip. [у Н. Новикова].

- 7- Prisenko G.P. (1990) *Prosvetitel' V.A. Levshin*. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- 8- Saidali I.M., Rakhmanov B.R. (2016). *Motivy milosti i pravosudiia v «vostochnykh» povestiakh F. V. Bulgarina* // Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates. Tom 2. № 4. S. 87–99.
- 9- Shelemova A.O., Karimian Faezekh (2013). *Vostochnye siuzhety v russkoi zhurnal'noi proze vtoroi poloviny XVIII veka: teksty, zhanrovaia spetsifika, ideinye priority* // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Literaturovedenie, zhurnalistika. № 3. S. 9–17.
- 10- Fok Mariann An'es de (1779–1880). *Veziri ili Ocharovannyi lavirin: Povest' vostochnaia* / Perevedena Vasil'em Levshinym. Ch. 1–3. M.: Univ. tip. [u N. Novikova].

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Zavelskaya Darya Alexandrovna (2025). LEVSHIN'S WORK AND THE PHENOMENON OF THE "ORIENTAL STORY" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FICTION. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 13(1), 157-172.

DOI: 10.61186/iarll.25.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/342>

آثار و لیوشین و پدیده «داستان بلند شرقی» در زمینه توسعه نثر ادبی روسی

داریا آلکساندرونا زاولسکایا^{*}

دانشیار، دانشگاه دولتی آن. کاسیگین روسیه (فناوری‌ها، طراحی و هنر)
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۴؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

این پژوهش به داستان ترجمه شده «وزیری، یا هزارتوی افسون شده» اختصاص دارد که لیوشین آن را با زیرعنوان «پوست شرقی» منتشر کرد. این اثر هم از نظر ژانر، که در ادبیات روسی نیمه دوم سده هجدهم بسیار محبوب شد، و هم از دیدگاه توسعه نثر ادبی روسی در دوره سنتی منتالیسم جالب توجه است. در تحقیقات موجود درباره ژانر «داستان بلند شرقی»، سه نوع آن مشخص شده است: (۱) اخلاقی - رفتاری با رنگ و بوی مذهبی؛ (۲) سرگرم‌کننده و ماجراجویانه - عاشقانه؛ (۳) روشنگرانه. با این حال، «وزیری» هر سه جنبه را نشان می‌دهد که برای درک گرایش کلی ادبیات آن زمان و خود تصور از درک شرق در ادبیات روسی مهم است. تاریخچه ایجاد این ترجمه به اندازه کافی مطالعه نشده تا بتوان اثر لیوشین را با منبع اصلی مقایسه کرد، بنابراین سبک‌شناسی دقیقاً به عنوان نمونه‌ای شاخص از نثر ادبی روسی در نظر گرفته می‌شود. انتخاب لیوشین، که از جمله به خاطر قصه‌های ادبی اصیل خود که بر موتیف‌ها و تصاویر فولکلور ملی تکیه داشت، مهم است. در این «داستان بلند شرقی»، محل وقوع داستان ایران است که نه به شکل تاریخی، بلکه به صورت افسانه‌ای - قصه‌وار، به عنوان سرزمین شگفت‌انگیز معجزات، قهرمانی، فضیلت‌های والا و رازهای عرفانی تصویر شده است. بررسی مفهوم «فضیلت» در این اثر، که هم برای ادبیات روشنگری دوره سنتی منتالیسم و هم برای قصه‌های ادبی بسیار مهم است، مفید به نظر می‌رسد. از این جنبه می‌توان احساسات شدید روایت و گفتار مستقیم خود شخصیت‌ها را توضیح داد، زیرا برای سنتی منتالیسم، درک اصول اخلاقی از طریق قلب حساس ضروری است. در عین حال، معجزات و ماجراجویی‌ها در داستان به نوعی آزمون اخلاقی منحصر به فرد قهرمانان تبدیل می‌شوند و همچنین حوزه‌ای برای درک خرد متعالی می‌شوند که برای تصویر شرق بسیار رایج بود.

واژگان کلیدی: داستان بلند شرقی، سبک، نثر ادبی، لیوشین، ترجمه، قصه.